

Шум О.Ю.

ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. ГОРЬКОГО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (ОТ СВЕРХЧЕЛОВЕКА К ВОЖДЮ И СИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТИПА)

Необходимость переосмысления творческого наследия М. Горького, со всей очевидностью ставшая перед исследователями в 90-е годы XX века, особенно актуальна в связи с поиском нового подхода к изучению произведений писателя советского периода. В частности, нуждается в основательном доисследовании такая, казалось бы, разработанная проблема, как горьковская концепция гуманизма, и особенно ее содержание после Октября 1917 года.

О том, что новаторство писателя связано с новым взглядом на человека, писали еще современники Горького [1]. Основные направления, по которым развивалось исследование мировоззренческих истоков и основ образа нового Человека, положительного героя эпохи, особенностей его художественного воплощения были выработаны в многочисленных трудах советских литературоведов 30 – 80-х гг. [2]. Однако во многих работах советского времени преобладало стереотипное представление о писателе, которое представляло его как социолога, чье творчество нередко рассматривалось как «художественное воплощение отдельных положений ленинских статей» [3, с.9]. Религиозно-философский аспект проблемы в исследованиях советских литературоведов либо выпадал, либо рассматривался крайне односторонне. Реальная возможность «разомкнуть» пределы исследования целого ряда вопросов появилась в отечественном литературоведении только в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Анализ философских истоков горьковского гуманизма посвящены статьи М. Агурского и С. Семеновой [4]; в работах В. А. Злобина, Л.А. Колобаевой, П. В. Басинского, Р. Т. Певцовой возродилась начатая еще на рубеже веков дискуссия о «нищезанстве» Горького [5]; появились исследования, посвященные проблематике ранее неизвестного широкому кругу читателей и исследователей сборника послеоктябрьской публицистики Горького «Несвоевременные мысли» [6].

Однако до сих пор еще внимание литературоведов, рассуждающих о горьковском гуманизме, сосредоточено главным образом на раннем периоде творчества писателя. По сей день в значительно меньшей мере освещаются вопросы: как идеи, высказанные Горьким в 1900-е, 1910-е годы, проявляют себя в последующие годы? какого рода гуманизм утверждает Горьким в советское время? Очевидно, что необходимо исследовать с позиций нового подхода все произведения М. Горького – и запретные, и забытые (а именно забытыми являются сегодня многие статьи и очерки писателя советского периода).

В данной статье мы обратились к публицистическим и художественным произведениям Горького 1928–1936 годов, для того чтобы проанализировать содержание гуманистических идей писателя и особенности их художественного воплощения в его творчестве советского времени. Своей задачей мы считаем исследование вопроса о соотношении в мировоззрении Горького таких ключевых понятий, как личность – коллектив, вождь – масса, индивидуалист – индивидуальность.

Уже в раннем творчестве Горького, как указывают исследователи, крайний антропоцентризм сочетается с активным неприятием духовных качеств большинства современных людей. Это противоречие обусловило желание молодого писателя противопоставить несовершенной личности реального современного человека яркую индивидуальность, что и сблизило в 1890-х годы XIX века его гуманистическую концепцию с идеями Ф. Ницше. Под воздействием нищезанства в творчестве Горького утверждается идеальный образ Человека-титана, который наделен сходными с нищезанским сверхчеловеком чертами: прометеизмом, активизмом и духовной силой.

Однако в отличие от Ницше для Горького с самого начала важна целенаправленность силы положительного героя, который уже в раннем творчестве задуман как спаситель людей от их же слабости, ничтожности и сонного прозябания. Противопоставление мещанского и героического типов индивидуализма, выраженное в программной публицистической статье «Заметки о мещанстве» (1905), стало важным мировоззренческим итогом, указав на движение горьковской мысли к философии коллективизма и обозначив два основных варианта последующего горьковского творчества, противопоставленные друг другу: индивидуалист – индивидуальность.

Обоснование идей, к которым он был близок, писатель нашел в работах «нищезанских марксистов» – богостроителей – А. А. Богданова и А. В. Луначарского. Начиная с богостроительского периода, антропоцентризм Горького попадает в полную и безоговорочную зависимость от логики «творческой, то есть социально-связующей людей» идеи. Во второй половине 1900-х годов Горький называет ее «великая монистическая идея социализма» [7, с. 43], а в 30-е это – большевизм, учение Маркса – Ленина – Сталина и коммунизм.

Под влиянием «руководящей» идеи нищезанские черты горьковского Человека трансформируются, и со второй половины 1900-х годов это уже не Озорник, не абстрактный «Человек, с большой буквы», а пролетарский революционер, и даже не просто революционер – а «революционер в духе». В 1917 - 1918 годы у писателя появляется образ «вечного революционера», который «хотел бы оживить, одухотворить весь мозг мира, сколько его имеется в черепах людей» [8, с.110], и которого Горький противопоставляет «революционеру на время», преследующему в ходе радикальной социально-политической ломки свои эгоистические классовые интересы. С этого момента в творчестве Горького фактически исчезает чистый нищезанский тип как герой, несущий позитивное начало. Почему? Ответ на этот вопрос можно найти уже в «Несвоевременных мыслях», где писатель вступает в спор с вождями, проводящими сверхчеловеческий эксперимент над Россией, свидетельствует о реальных, сверхжестоких проявлениях этого эксперимента.

Большевистских лидеров Горький обвиняет в индивидуализме и вождизме: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти» [8, с. 149]. «Вообразив себя Наполеонами от социа-

лизма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России – русский народ заплатит за это озерами крови» [8, с. 151], они «хладнокровно бесчестят революцию, бесчестят рабочий класс, заставляя его устраивать кровавые бои, попукая к погромам, к арестам ни в чем не повинных людей...» [8, с. 150]. Но идеи, настаивает писатель, не побеждают «приемами физического насилия». Подлинно героическая индивидуальность – «вечный революционер», – постоянно напоминает Горький в «Несвоевременных мыслях», «не способен прибегать к тем или иным приемам насилия над человеком иначе, как в случаях неустранимой необходимости и с чувством органического отвращения ко всякому акту насилия» [8, с. 111].

Изменив впоследствии отношение к личности В. И. Ленина, Горький не отказался от своего принципиально отрицательного отношения к жестокости сверхчеловеков революции. «Вождизм» – это болезнь; развиваясь из атрофии эмоции коллективизма, она выражается в гипертрофии «индивидуального начала», – пишет Горький [9, с. 249].

Отголоски этой темы звучат в практически единственном завершённом художественном произведении писателя о советской действительности – пьесе «Сомов и другие» (1931), где один из персонажей – бывший партизан Китаев, человек недалекий, – мучится старым нищенско-народническим комплексом: «...Существует масса, но – без героев история прекращается. Это – верно: ежели я себя не чувствую героем, так меня вроде как и нет совсем» [10, с. 286]. Героизм же он понимает только как умение разрушать и уничтожать и жутковато гордится: «Я, бывало... Да я... поголовно... истреблял... как собака тараканов! Хлеба не давать? Так я ж их поголовно! Как в сказке: ахну, и – нет ничего, только пыль, брызг и сапоги!» [10, с. 294].

То, что Китаев – бывший партизан, конечно, не случайность. В 1930 году, руководя работой по изданию книги «История гражданской войны», Горький пишет в письме М. Н. Покровскому о необходимости «особенно внимательного изучения партизанщины, перехваленной, – как и Вы согласитесь – беллетристами и поэтами...» По мнению Горького, «героизация вождей партизан – дело политически не безвредное и ... в наших обстоятельствах не следовало бы так романтически густо подчеркивать «роль личности» в партизанском движении» [11, с. 306 – 307]. О каких обстоятельствах идет речь? Преобладающее большинство читателей – крестьянство, героизация вождей может увести захваченное частнособственническими эмоциями сознание крестьянской массы от коллективизма к индивидуализму сильной личности, оторвавшейся от народа или ставящей себя выше коллектива.

Мысли «бойца» Китаева у Горького оказываются созвучны идеям «вредителя» от интеллигенции инженера Сомова: «Власть не по силам слесарям, малярам, ткачам, ее должны взять ученые, инженеры. Жизнь требует не маляров, а – героев» [10, с. 307]; «Я – человек, уверенный в своей силе, в своем назначении. Я – из племени победителей...» [10, с. 308]. Рассуждения очередного кандидата в сверхчеловеки в свою очередь прямо связываются Горьким с идеологией фашизма. Жена Сомова простодушная Лидия, выслушав сентенции мужа, спрашивает: «Это – фашизм?»; «Фашизм – это когда у власти маленькие звери, чтоб ими питались крупные? Нужно, чтоб мелкие звери были жирные?...» [10, с. 307].

Горький уверен, что личность, охваченная мещанским «зоологическим индивидуализмом» собственника, вне зависимости от того, кто это: капиталистический мелкий или крупный хищник, представитель «бывших людей» (эмигрантов), «механических граждан» Советского Союза (обывателей), «социально-нездоровой силы» (крестьянства) или «многоглаголивой» интеллигенции – неизбежно будет двигаться только в одном направлении: индивидуализм – вождизм – фашизм. «Волчья психика крупного мещанства, лишь – мелкого создает лгунов, лицемеров, предателей, убийц из-за угла...» [12, с. 430]. В публицистике советских лет Горький завершает цепочку «мещанин» – «циник» – «хулиган», обозначенную в его творчестве 1900-х годов. Он пишет: «...от хулиганства до фашизма расстояние «короче воробьиного носа» [9, с. 250].

Приравняв вождизм и мещанский индивидуализм к фашизму, Горький в то же время продолжает отстаивать индивидуализм героический, он убежден, что индивидуальное «я» может и должно слиться с коллективным «мы» без какого-либо ущерба для себя: «Я хотел – и хочу – видеть всех людей героями труда и творчества, строителями новых свободных форм жизни. Мы должны жить так, чтобы каждый из нас, несмотря на различие индивидуальностей, чувствовал себя человеком, равноценным всем другим и всякому другому» [13, с. 357].

В советское время на смену нищенскому типу у Горького приходит «маленький, но великий человек», «строитель современной жизни». Правда новых людей – это «руководящая», «организующая» идея, поэтому самой существенной их чертой является, по мысли писателя, коллективизм, они неразрывно связаны с массой: «Героем наших дней является человек из «массы...» – пишет Горький [14, с. 28]. При этом новый человек – отнюдь не всякий представитель большинства, это именно авангард (часто безымянный) народной массы. Это «новая и действительно плодотворная «соль земли», которая «быстро растет и кристаллизуется, выделяясь из рабоче-крестьянской массы» [15, с. 184].

Новый человек, «работник своего государства», «единица» свободного коллектива рассеян по всей стране и «скромно делает как будто незначительное, но имеющее огромное историческое значение дело». Его основное дело – переделка несовершенной личности реального человека, изменение «психологического типа людей посредством активизации их воли и разума» [16, с. 145]. Не случайно новые люди, образы которых возникают в виде коротких зарисовок в очерках Горького «По Союзу Советов» (1929) и в пьесе «Сомов и другие», – это или руководители, или воспитатели: помощник заведующего промыслами Азнефти; заведующая московским «диспансером» для беспризорников, заведующий Бакинской трудовой колонией и А. С. Макаренко; организатор коммуны Лозницкий; «человек из породы революционеров-«большевиков» старого, несокрушимого закала» [17, с. 307], которого писатель встречает на Соловках; а в пьесе «Сомов и другие» – директор завода Терентьев и загадочный Дроздов, чья бдительность к врагам, позволяет угадать в нем чекиста.

**ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. ГОРЬКОГО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА
(ОТ СВЕРХЧЕЛОВЕКА К ВОЖДЮ И СИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТИПА)**

Новый социалистический человек-коллективист зачастую одинок, как ранний романтический герой с «солнцем в крови». Он работает «среди людей часто не понимающих его» [18, с. 292]. Власть, осуществляемая новыми людьми, должна «практически преодолеть воспитанный веками пагубный инстинкт собственности» не в сотнях тысяч, а «в десятках миллионов людей», «поставить на ноги эту массу неграмотных и полуграмотных, зараженных анархическим недоверием ко всякой власти и в тоже время издавна привыкших, чтобы вопросы жизни ее решала власть» [19, с. 12]. Так получается, что у Горького новые люди считают себя окруженными врагами. Персонаж пьесы «Сомов и другие» крайне бдительный Дроздов говорит: «Мы живем среди хитрого народа, словам надо верить осторожно» [10, с. 296]. Это мнение подтверждает и другая героиня этой пьесы учительница Арсеньева, симпатичный автору персонаж: новые люди «в опасном положении, у них гораздо больше врагов, чем друзей» [10, с. 319].

Социалистический лидер мыслится как часть трудовой массы и одновременно как идущий впереди ее духовный наставник, который решает сверхчеловеческую, по Горькому грандиозную, задачу - «воспитать массу трудящихся «по образу и подобию своему» [19, с. 292]. Однако тема народа и творимого ею вождя все же наполнена более риторическим, чем конкретным содержанием. Исключением является очерк «В. И. Ленин». Но в первой его редакции можно прочесть: «Невозможен вождь, который – в той или иной степени не был бы тираном» [20, с. 72], «...Ленин понимал драму бытия несколько упрощенно и считал ее легко устранимой...» [20, с. 74]. Говоря о Ленине, Горький, утверждавший, что «...правительство – это наши учителя и наши товарищи, в полном смысле слова товарищи» [21, с. 348], внушавший советским гражданам: «...вы творите новых людей, вы сами те люди, создающие ту атмосферу, которая возбуждает и волю к жизни, и радость жизни, желание работать» [22, с. 398], - остается верен себе: «Между Владимиром Лениным и даже крупнейшими людьми его партии невозможно поставить знак равенства...» [23, с. 281]. Ценность незаурядной личности для Горького безусловна. В «Несвоевременных мыслях» он возмущается тем, что «Батальонный комитет Измайловского полка отправляет в окопы 43 человека артистов, среди которых есть чрезвычайно талантливые, культурно-ценные люди». Для меня, пишет Горький, «писатель Лев Толстой или музыкант Сергей Рахманинов, а равно и каждый талантливый человек, не равен Батальонному комитету измайловцев» [8, с. 117].

Отстаивая идею равенства «единиц» человеческого коллектива, писатель в тех случаях, когда считал, что общество расходует «свой лучший мозг», безоговорочно принимал сторону личности, а не коллектива. И не случайно новые люди у него значительно уступают в яркости типам купцов-предпринимателей дореволюционной России: Никиты Бугрова и Саввы Морозова, запечатленных в серии литературных портретов, Ильи Артамонова-старшего, Тимофея Варавки, Захара Бердникова, Марины Зотовой, Вассы Железновой – героев художественных произведений Горького 30-х годов.

Люди сильные, активные, сметливые, эти персонажи не лишены идеалов. «Вы не можете сочувствовать распродаже родины, если вы честный, русский человек. Мы сами поднимем ее на ноги, мы сильные, талантливые, бесстрашные...» - говорит, например, Бердников [24 (Т. 22), с. 91]. Но при этом едва ли не самая яркая черта их – пренебрежение к закону. Закон писан явно не для них. «...Знаменитость, совершенно уголовный тип...», – говорит у Горького один из героев о Бердникове, а следом добавляет: «...необыкновенного ума. С ним даже министры считаются» [24 (Т. 22), с. 465]. Марина Зотова – жадная предпринимательница, ростовщица, «росту промышленности русской» - враг, потому что продает свое дело иностранцам, «варягов зовет». Но: «Умная. Грубейший мужицкий ум, наряженный в книжные одежды». Слова, сказанные о ней Бердниковым: «В делах она – палач» - подойдут и к образу Вассы Железновой [24 (Т. 22), с. 90]. Целый ряд преступлений совершает она ради дела: убивает мужа, прячет внука, выдает полиции его мать, свою невестку-революционерку. «Страшная вы фигура, – говорит ей Рашель. – Слушая вас, начинаешь думать, что действительно есть преступный тип человека» [25, с. 444].

Это «меньшинство эмоционально сильных личностей» у Горького оказывается неожиданно близко образам профессиональных революционеров, чьи литературные портреты Горький создает в течение 1924 – 1932 годов: Красину, Анненскому, Вилонову, Вольнову, Камо, а также героям романа «Жизнь Клима Самгина»: Степану Кутузову, Елизавете и Аркадию Спивак. По мысли Горького, героическая индивидуальность революционера должна противостоять личности индивидуалиста-собственника, но в морально-этическом плане они оказываются ближе друг другу, чем каждый из них своим менее масштабным идейным единомышленникам.

Революционеры, как и «хищники» капитализма, у Горького не спешат подчиняться общему закону. Иван Вольнов рассказывает о себе: «Вешалка мне грозила: я был организатором боевой дружины, участвовал в эксах; получая на юге литературу из Греции, был выслежен шпионами, пришлось стрелять, одного, кажется, ухлопал» [26, с. 334]. Революционер нарушает не только юридический, но и нравственный закон, хотя идет на это не для личной наживы, а ради правды «руководящей» идеи.

Их объединяет и отношение к обыкновенным людям, «недоличностям». Капиталистка Васса Железнова восклицает: «...Люди-то хуже зверей! Хуже! Я это знаю! Люди такие живут, что против них неистовства хочется... Дома ихние разрушать, жечь все, догола раздеть всех, голодом морить, вымораживать, как тараканов. Вот как!». И революционерка Рашель отвечает на это: «Черт вас возьми... Ведь вот есть же у вас, в этой ненависти вашей что-то ценное...» [25, с. 444]. Что ценного заключается для Горького в этой ненависти, объясняют слова Тимофея Варавки. «Любовь к людям», считает он, «выдуманная нами, противная природе нашей, которая жаждет не любви к ближнему, а борьбы с ним, - эта несчастная любовь ничего не значит и не стоит без ненависти, без отвращения к той грязи, в которой живет ближний!» [24 (Т. 19), с. 179].

Слабых и кротких горьковские любимцы презирают. Захар Бердников заявляет: «Не выношу кротких! Сделать бы меня всемирным Иродом, я бы как раз объявил поголовное истребление кротких, несчастных и любителей страдания. Не уважаю кротких! Плохо с ними, неспособные они, нечего с ними делать.

Не гуманный я человек...» [24 (Т. 22), с. 74]. Та же мысль звучит и в словах революционера Михаила Вилонова: «Что же - это мы что ли должны заразиться жалостью к несчастным и всяким униженным? Слезой грязи не смоешь. Тем более не смоешь крови. А задача – смыть с людей кровь и грязь» [27, с. 325].

Справедливости ради следует сказать, что себя сильные личности не жалеют так же, как и других. Вот как Бердников говорит о своем отношении к тому, что его «именьишко» сожгли бунтовщики: «Ну, я однако не жалуясь. Будучи стойком я говорю: «Бей, но выучи!» [25 (Т. 22), с.73]. И сходно думает революционер Иван Вольнов, образ которого возникает в одноименном литературном портрете. «Хотите – верьте, хотите – нет, а когда били меня, ногами топтали, разумеется – больно было, но кажется мне, что я и в тот час думал: «Ладно, учите, годится!» [26, с. 337].

Все последовательные, бескомпромиссные творцы жизни оказываются похожи друг на друга своей беспощадностью, вне зависимости от того, отстаивают ли они логику буржуазной господствующей мысли, по Ницше, или социалистической «руководящей идеи», по Горькому.

Таким образом, в 30-е годы основные положения горьковского антропоцентрического гуманизма, истоки которых находятся в раннем творчестве писателя, сохраняются и углубляются. Горький убежден, что гиперболизация собственного «я» – мещанский индивидуализм – приводит личность к вождизму и фашизму, то есть делает ее врагом «руководящей» идеи, единственной, открывающей путь к будущему лучшему миру и лучшему человеку. Личности индивидуалиста-нищанца писатель противопоставляет новую социалистическую индивидуальность, человека-коллективиста. Однако, отстаивая идею вождя, творимого массой и являющегося ее неотъемлемой частью, Горький все же не преодолевает противоречия между сильной и яркой личностью и окружающими ее людьми – «недоличностями». У нового героя, так же, как и у капиталиста-«хищника», нет ни жалости, ни сострадания к реальному («маленькому») человеку, чей внутренний мир с такой художественной силой раскрыли литераторы 19 века. Вопрос о судьбе этого традиционного для русской литературы образа в творчестве М. Горького советского периода представляет перспективную тему для дальнейшего исследования.

Источники и литература

1. См. работы Н. К. Михайловского, А. М. Скабичевского, Д. С. Мережковского, В. В. Воровского, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. В. Луначарского, В. Львов - Рогачевского и др.
2. См. работы С. Д. Балухатого, Б. А. Бялика, И. А. Груздева, К. Д. Муратовой, Ю. Юзовского, В. С. Барахова, Н. К. Кузьмичева, Б. В. Михайловского, А. И. Овчаренко, В. К. Панкова, Л. А. Спиридоновой, Е. Б. Тагера и др.
3. Муратова К. Д. М. Горький: Семинарий. – М.: Просвещение, 1981. – 208 с.
4. См.: Агурский М. Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) // Вопросы литературы. – 1991. – № 8. – С. 54 – 74; Семенова С. Г. Мыслительные диапазоны М. Горького // Человек. – М., 1999. – Вып. 5. – С. 113 – 124; Вып. 6 – С. 115 – 131.
5. См.: Колобаева Л. Горький и Ницше // Вопросы литературы. – 1990. – № 10. – С. 162 – 173; Басинский П. К вопросу о «нищанстве» Горького // <http://som.fio.ru>; Певцова Р. Т. Максим Горький и Фридрих Ницше. М.: Альфа, 2002. – 64 с.
6. См.: Резников Л. О книге М. Горького «Несвоевременные мысли» // Нева. – 1988. – № 1. – С. 148 - 171; Вайнберг И. Во имя революции и культуры: Публицистика М. Горького 1917 – 1918 гг. // Литературное обозрение. – 1988. – № 9. – С. 99 - 112, № 10. – С. 99 – 110.
7. Горький М. Разрушение личности. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 24. – М. 1953. – С. 26 – 79.
8. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. – М.: Советский писатель, 1990. – 400 с.
9. Горький М. Литературные забавы. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 27. – М., 1953. – С. 242 – 276.
10. Горький М. Сомов и другие. Собр. соч. в 18-ти тт. – Т. 17. – М., 1963. – С. 269 – 326.
11. Переписка М. Горького в 2-х томах. – Т. 2. М.: Художественная литература, 1986. – 447 с.
12. Горький М. «Две пятилетки». Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 27. – М. 1953. – С. 425 – 432.
13. Горький М. Письмо курским красноармейцам. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 24. – М. 1953. – С. 357 – 358.
14. Горький М. О мещанстве. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. – М. 1953. – С. 18- 30.
15. Горький М. О солитере. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. – М. 1953. – С. 177-186.
16. Горький М. Пять лет. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 27. – М. 1953. – С. 142 – 146.
17. Горький М. По Союзу Советов. Собр. соч. в 18-ти тт. – Т. 11. – М. 1963. – С. 220 – 316.
18. Горький М. Десять лет. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 24. – М. 1953. – С. 285- 293.
19. Горький М. О «маленьких» людях и о великой их работе. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 25. – М. 1953. – С. 8 – 17.
20. Максим Горький. В. И. Ленин // Молодой коммунист. – 1990. – № 1. – С. 72–80.
21. Горький М. Заключительная речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 27. – М. 1953. – С. 337 – 354.
22. Горький М. Речь на торжественном заседании пленума Тбилисского совета. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 24. – М. 1953. – С. 395 – 399.
23. Горький М. В. И. Ленин. Собр. соч. в 18-ти тт. – Т. 18. – М. 1963. – С. 253 – 285.
24. Горький М. Жизнь Клина Самгина. Собр. соч. в 30-ти тт. – Т. 19 – 22. – М. 1952 -1953.
25. Горький М. Васса Железнова. Собр. соч. в 18-ти тт. – Т. 17. – М. 1963. – С. 425 – 460.
26. Горький М. Иван Вольнов. Собр. соч. в 18-ти тт. – Т. 18. – М. 1963. – С. 333-348.
27. Горький М. Михаил Вилонов. Собр. соч. в 18-ти тт. – Т. 18. – М. 1963. – С. 321 – 328.